

Содержание

В.В. Розанов в контексте эпохи

А. Николюкин

7

ОПАВШИЕ ЛИСТЬЯ

Короб первый

35

ОПАВШИЕ ЛИСТЬЯ

Короб второй и последний

213

АПОКАЛИПСИС НАШЕГО ВРЕМЕНИ

485

Комментарии

573

В.В. РОЗАНОВ В КОНТЕКСТЕ ЭПОХИ

Русский философ и писатель Василий Васильевич Розанов размышлял о России и ее судьбах до последних дней своей жизни. «Безумное желание кончить «Апокалипсис», — писал он в конце 1918 года Д.С. Мережковскому¹. Ему оставалось жить несколько месяцев. Последняя изданная при его жизни книга — «Апокалипсис нашего времени» — оборвалась на десятом выпуске. Времена были трудные, голодные. Печататься становилось все сложнее и сложнее по условиям новой цензуры. А тут еще сдвоенный шестой-седьмой номер «Апокалипсиса» был конфискован тотчас по выходе в свет. Как жить и работать дальше, как прокормить семью?

Последняя надежда — Максим Горький, с которым Розанов когда-то переписывался, доставал и слал ему на Капри нужные книги. И вот он садится писать письмо Горькому — моление о помощи: «Максимушка, спаси меня от последнего отчаяния. Квартира не топлена и дров нету; дочки смотрят на последний кусочек сахара около холодного самовара; жена лежит полупарализованная и смотрит тускло на меня. Испуганные детские глаза, 10, и я глупый... Максимушка, родной, как быть? Это уже многие письма я пишу тебе, но сейчас пошло, кажется, а то все рвал. У меня же 20 книг, но «не идут», какая-то забастовка книготорговцев. Максимушка, что же делать, чтобы «шли». Вот, отчего ты меня не принял в «Знание»? Максимушка, я хватаюсь за твои руки. Ты знаешь, что значит хвататься за руки? Я не понимаю, ни как жить, ни как быть. Гибну, гибну, гибну...»².

1 Розанов В.В. Мысли о литературе. М., 1989. С. 526.

2 Там же. С. 523–524.

Чтобы помочь Розанову выжить, Горький обратился за деньгами к Ф. Шаляпину¹. Шаляпин деньги прислал, однако было уже поздно. «Спасибо за деньги, — писал ему Горький, — но В.В. Розанов умер...»².

Он умер в Сергиевом Посаде близ Троице-Сергиевой лавры 23 января 1919 года (по новому стилю это было 5 февраля). В Сергиев Посад Розанов с семьей переехал из Петрограда, после того как в августе 1917 года его друг философ П.А. Флоренский подыскал им квартиру в доме священника Беляева.

Дочь Розанова Татьяна так описывает кончину отца в холодном, нетопленном доме, где писатель все время мерз: «В ночь с 22-го на 23 января 1919 года старого стиля отцу стало совсем плохо... Рано утром и четверг пришли П.А. Флоренский, Софья Владимировна Олсуфьева³ и С.Н. Дурьлин⁴. Мама, Надя⁵ и я, а также все остальные стояли у папиной постели. Софья Владимировна принесла от раки преподобного Сергия (Радонежского) плат и положила ему на голову. Он тихо стал отходить, не метался, не стонал. Софья Владимировна стала на колени и начала читать отходную молитву, в это время отец как-то зажмурился и горько улыбнулся — точно увидел смерть и испытал что-то горькое, а затем трижды спокойно вздохнул, по лицу разлилась удивительная улыбка, какое-то прямо сияние, и он испустил дух. Было около двенадцати часов дня, четверг, 23 января с. стиля. Павел Александрович Флоренский вторично прочитал отходную молитву, в третий раз — я»⁶.

На дровнях, покрытых елочками, гроб, после отпевания в приходской церкви Михаила Архангела, отвезли на кладбище Черниговского скита; похоронили Розанова рядом с могилой

1 Шаляпин Федор Иванович (1873–1938).

2 Федор Иванович Шаляпин. Литературное наследство. Письма. М., 1976. I. С. 354.

3 Олсуфьева Софья Владимировна (урожд. Глебова) — жена графа Ю.А. Олсуфьева (1878–1937?), знакомая семьи Розановых по Сергиеву Посаду, где с 1918 г. ее муж вместе с П.А. Флоренским работал в Комиссии по охране памятников старины.

4 Дурьлин Сергей Николаевич (1886–1954) — литературовед, искусствовед и театральный критик.

5 Розанова Надежда Васильевна (1900–1958) — дочь писателя.

6 ОР РГБ (Отдел рукописей Российской государственной библиотеки), ф. 249, оп. 2, картон 10, ед. хр. 2, л. 110–111.

философа К.Н. Леонтьева (1831–1891), близкого по духу ему человека, с которым он много переписывался в последний год жизни Леонтьева. В 1923 году кладбище при Черниговском ските было скрыто и, несмотря на официальную охранительную грамоту от Реставрационных мастерских Москвы, могилы К.Н. Леонтьева и В.В. Розанова уничтожены. Черный гранитный памятник Леонтьеву разбит в куски, а крест на могиле Розанова сожжен. На нем была надпись, выбранная из Псалтири П.А. Флоренским: «Праведны и истинны пути Твои, Господи!». Благодаря дневниковой записи М.М. Пришвина место могил Розанова и Леонтьева было определено, и в 1992 г. на них установили кресты.

* * *

«Много вообще антиномий кроется в странной душе человека»¹, — писал В.В. Розанов в статье к 100-летию со дня рождения философа А.С. Хомякова. И не случайно свои воспоминания о Розанове его юный друг Э. Голлербах² озаглавил в 1919 году «О двуликом».

Как-то незадолго до смерти дочь Таня спросила его: «Папа, может быть, ты отказался бы от своих книг «Темный Лик» и «Люди лунного света»?». Но он ответил несогласием, считая, что в этих книгах есть что-то верное и важное.

Недаром именно «Людей лунного света» (1911) и его брошюру «Русская церковь» (1909) епископ Гермоген³ потребовал изъять из продажи как книги «безбожные и еретические», а их автора предать как еретика церковному отлучению (анафеме). Но Синод не успел применить к Розанову мер, какие в начале века были предложены к Л. Толстому (Розанов протестовал тогда против отлучения Толстого от церкви). Наступил 1917 год, и «отлучение» не состоялось. По рапорту Гермогена было принято решение: «Ввиду изданного Временным правительством закона о свободе печати и воспрещения применения к ней мер административного воздей-

1 *Розанов В.В.* Собр. соч. Около церковных стен. М., 1995. С. 421.

2 Голлербах Эрих Федорович (1895–1942) — литературовед и искусствовед, автор книг и статей о Розанове.

3 Гермоген (Георгий Ефремович Долганов, 1858–1919) — епископ Саратовский и Царицынский, требовал отлучения Розанова от церкви.

ствия, не считая возможным входить ныне в суждение об изъятии вышеозначенных книг В. Розанова из обращения, Св. Синод определяет: настоящее дело производством прекратить»¹.

Дело производством можно было прекратить, но нельзя было прекратить воздействие книг и мысли Розанова. М. Горький назвал его «самым интересным человеком русской современности». После смерти Розанова в ответ на просьбу его дочери написать очерк о нем Горький отвечал: «Написать очерк о нем — не решаюсь, ибо не уверен, что это мне по силам. Я считаю В. В. гениальным человеком, замечательнейшим мыслителем, в мыслях его много совершенно чуждого, а порою — даже враждебного моей душе, и — с тем вместе — он любимейший писатель мой. Столь сложное мое отношение к нему требует суждений очень точно разработанных, очень продуманных — на что я сейчас никак не способен. Когда-то я, несомненно, напишу о нем, а сейчас решительно отказываюсь»².

Горький очерка не написал. Это сделала несколько лет спустя З. Гиппиус, хорошо знавшая Розанова³. В ноябре 1918 года она писала Горькому в связи со слухом о расстреле Розанова (на самом деле был расстрелян другой сотрудник газеты «Новое Время», где 20 лет печатался Розанов, — публицист М.О. Меньшиков⁴): «Совершенно также уверена, что слух о расстреле В.В. Розанова должен был произвести на вас тягостное впечатление: никакой революции никакой страны не может принести чести отнятие жизни у своих талантливых писателей, да еще стариков, отошедших от всякого рода деятельности. Как бы мы ни относились к человеку Розанову и его «убеждениям» (а, я думаю, мы тут приблизительно совпадаем) — вы не будете отрицать, что это был замечательный, своеобразный русский талант»⁵.

Как же получилось, что русская культура XX века развивалась «вне Розанова», что до сих пор по различным архивам хранятся

1 ЦГИА (Центральный государственный исторический архив). СПб., ф. 796, оп. 193 (1911 г.), ед. хр. 1226, л. 2.

2 ОР РГБ, ф. 249, оп. 2, картон 7, ед. хр. 42.

3 См.: *Гиппиус З.Н.* Живые лица. Прага, 1925. Вып. 2. С. 9–92.

4 Меньшиков Михаил Осипович (1859–1918) — публицист, сотрудник «Нового Времени».

5 Архив Горького, КГ-П, 20-6-1. 1.

его неизданные последние произведения, несобранные воспоминания и высказывания о нем современников? «Мы ленивы и нелюбопытны»¹, — говорил Пушкин. Но здесь дело не только в этом.

Направление мысли Розанова во многом сходно со взглядами Ф.М. Достоевского, хотя он жил уже в иную эпоху и не мог просто следовать за любимым писателем. Да и судьбы их наследия в чем-то схожи. Многие современники, как известно, отвернулись от Достоевского-почвенника, и он долгое время оставался «под подозрением» в среде либеральной интеллигенции. Минуло почти столетие, прежде чем Достоевский был справедливо оценен и воспринят нашей культурой. И почти столько же времени потребовалось, чтобы начать понимать и издавать Розанова.

В 1928 году Э. Голлербах писал Горькому в Италии: «Над Розановым продолжаю работать, но работа эта — «для письменного стола», а не для печати, хотя несколько лет тому назад Л.Б. Каменев² уверял меня, что Розанова можно и нужно печатать, всего целиком... Сейчас, к сожалению, об этом нечего и думать. Как было бы ценно, если бы Вы когда-нибудь написали хотя бы несколько слов об этом отверженном писателе. «Хотя бы несколько слов» — это звучит довольно нелепо, но я хочу сказать, что Ваши «несколько слов» были бы, вероятно, достаточны для того, чтобы можно было — если не переиздавать Розанова, то хотя бы писать о нем. А как были бы для нас, «розовианцев», интересны Ваши «слуховые» и «зрительные» впечатления о нем, портретная характеристика, искусством которой Вы владеете так изумительно. Уверен, что Ваше слово могло бы в известной мере «снять опалу» с этого писателя. Но вот вопрос: нужен ли он сегодняшней России? Может быть, с Розановым следует подождать еще лет 30? Впрочем, о сроках говорить трудно»³.

Но время даже для «нескольких слов» о Розанове было неподходящим.

В последнее время наследие замечательного писателя, философа и публициста В.В. Розанова вызывает возрастающий инте-

- 1 *Пушкин А.С.* Полное собр. соч. В 10 т. М.; Л., 1950. Т. 6. С. 668 («Путешествие в Арзрум»).
- 2 Каменев Лев Борисович (наст. фамилия Розенфельд, 1883–1936) — политический деятель и литератор, расстрелян.
- 3 Архив Горького, КГ-ДИ, 3Г-2.

рес, появляются все новые и новые публикации о нем. После долгих десятилетий искусственного забвения, а точнее сказать, — запрещения, Розанов вновь становится органической частью русской культуры.

* * *

Так, как говорил с читателем (или «без читателя») В.В.Розанов, не говорил никто. В этом его оригинальность и неповторимость как мыслителя. «Ну а мысли?»... «Что ж, мысли бывают разные», — отвечал он.

Размышляя о самобытности русской философии, В.В.Розанов полагал, что в отличие, например, от Германии, где философия издавна была самостоятельной дисциплиной, в России философская мысль развивалась прежде всего в литературе. И с этим, конечно, нельзя не согласиться. Славянофилы и западники, Достоевский и Толстой, Леонтьев да и сам Розанов воплощали в себе литературу и философию одновременно. В одной из ранних статей он писал: «Русская литература была всегда литературою классической критики, не эстетической, но критики, как метода письма, который охватывает собою публицистику, философию, даже частью историю»¹.

Крупные произведения Достоевского («Дневник писателя», «Братья Карамазовы» и др.) и Толстого («Анна Каренина», «Чем люди живы», «Смерть Ивана Ильича» и др.), считал Розанов, «можно принять за фундамент наконец начавшейся оригинальной русской философии, где выведен ее план и ее расположение, может быть, на много веков»². Это положение стало важнейшим для всей последующей творческой деятельности Розанова.

Нетрадиционные мысли Розанова в области литературы, философии, религии и сегодня не утратили своей свежести и интереса. Ну кто, к примеру, мог так проникновенно («рыдательно», как он сам выражался) написать о причинах забвения на сотни лет такого памятника древнерусского эпоса, как «Слово о

1 <Розанов В.> Об упадке серьезной критики // Гражданин. 1900. № 42. 8 июня. С. 4.

2 Розанов В. Умственные течения в России за 25 лет // Новое Время. 1900. 21 марта. № 8644.

полку Игореве». «Не горе бы, если бы его уничтожили, вырвали, убили. Нет, — пишет он, — произошло хуже: оно всем стало ненужно, неинтересно. Грамотные жили, но его не читали. Списывали много: но его не списывали. «Не интересно! Не влечет!» Вот ужас, вот настоящий ужас: и сохранилось, завалилось, спаслось чудом всего два списка. Вообразите время, когда Пушкин станет до того неинтересным, что его сохранится всего два экземпляра в России, в старом чулане уездного помещика! Пушкина забудут. «Не интересно, не влечет!». Не правда ли, если бы это произошло с Пушкиным, мы прокляли бы эпоху, прокляли бы тех русских, которым Пушкин сделался окончательно и совершенно ненужным! В сердце своем мы полагаем, что Пушкин есть мера русского ума и души: мы не Пушкина измеряем русским сердцем, а русское сердце измеряем Пушкиным; и Россия, отряхнувшая от своих ног Пушкина, — просто для нас не Россия, не отечество, не «своя страна»... «Слово о полку Игореве» — это как бы Пушкин ранней России»¹.

Розанова поражает не то, что в XII веке русским мастером было создано великолепное поэтическое «Слово», а то, что это «чудо певческого искусства» было просто забыто и сохранилось лишь в единственном экземпляре. Он писал: «Вот это забвение! Вот это искоренение! Вот это *sensura*, своеохотная, с порывом к ней самих цензурируемых, подлинная, настоящая цензура, душевная цензура»².

«Слово о полку Игореве» Розанов назвал «великим течением несказанных природных сил»; оно явилось для него первым памятником отечественной словесности, заговорившим о русской земле. Тема же эта — одна из постоянных и наиважнейших во всех его сочинениях. И другая, тесно с нею связанная, — о семье, о том, как складывается семейная жизнь русского человека. Дайте мне только любящую семью, провозгласил Розанов в книге «Семейный вопрос в России» (1903), и я из этой ячейки построю вам вечное социальное здание. Понятие семьи стало краеуголь-

1 *Розанов В.* Как святой Стефан порубал «прокудливую березу» и как началось на Руси пьянство // Новое Время. 1908. 7 апреля (см. в кн.: *Розанов В.В.* Собр. соч. Во дворе язычников. М., 1999. С. 379).

2 *Розанов В.* Около церковных стен. СПб., 1906. Т. 1. С. 291.

ным камнем философского и художественного мышления Розанова.

* * *

Василий Васильевич Розанов родился в 1856 году в Ветлуге Костромской губернии в семье чиновника лесного ведомства. Отец его умер, и вскоре семья переехала в Кострому, когда мальчику было три года. На руках матери¹ оставались семеро детей². После ее смерти с 14-летнего возраста будущий писатель воспитывался в семье старшего брата Николая³, преподававшего в гимназиях Симбирска и Нижнего Новгорода.

В 1878 году Розанов определяется на историко-филологический факультет Московского университета, становится стипендиатом А.С.Хомякова. Особенно запомнились ему лекции В.О.Ключевского, который после смерти в 1879 году С.М.Соловьева стал читать курс русской истории. Юного Розанова очень впечатляло словесное мастерство историка. «Ничего подобного я не слышал ни прежде, ни потом... — вспоминал он. — Речь, им произнесенную, без поправок, без корректуры, без «просмотра автора» — можно было помещать куда угодно: все было кончено и завершено, отделано последнею отделкой»⁴.

Розанов дает высшую оценку Ключевскому, на которую только был способен: «Русская порода, кусок драгоценной русской породы, в ее удачном куске, удачном отколе — вот Ключевский»⁵. И вот откуда, может быть, начинается великий стилист Розанов, пока еще подспудно, как восхищенный зритель. Осознав еще в юности огромное значение «стиля», он в своих зрелых произведе-

1 Розанова Надежда Васильевна (урожд. Шишкина, по другим сведениям — Надежда Ивановна, 1827–1870) — мать писателя.

2 «Бедность у нас. Нищета голая», — вспоминал Розанов в одном из неопубликованных писем своему другу Э. Голлербаху (РНБ, ф. 207, ед. хр. 74).

3 Розанов Николай Васильевич (1847–1894) — брат писателя.

4 Варварин В. Около науки и университета (По поводу 30-летия ученой службы В.О. Ключевского) // Русское Слово. 1909. 12 декабря. (В 1906–1911 гг. Розанов печатался в этой газете под псевдонимом В. Варварин).

5 *Розанов В.В.* Собр. соч. Старая и молодая Россия. Статьи и очерки 1909 г. М., 2004. С. 408.

дениях, особенно в «Уединенном» и в «Опавших листьях», довел его до совершенства.

Серьезный интерес Розанова к философии, пробудившийся в университетские годы, столкнулся с рутинной установившейся системы преподавания. Он писал: «Все-таки к философии именно — я почему-то питал особенное благоговение: «Прочие — в сюртуках, а этот в хламиде». Вдруг, по какому-то торжественному случаю, я увидел нашего Матвея Михайловича <Троицкого>¹, до того расшитого в золото (позументы парадного мундира) и со столькими орденами на груди... что мой туман спал. «Ах, вот отчего... университет не дает никакой *идеи о науке*: все они занимают должность V-го класса, дослуживаются, к 40-летию службы, до тайного советника и мирно прилагаются «к отцам» на Дорогомиловском или Ваганьковском кладбище»².

В университетские годы — в результате «вечной задумчивости», мечты, переходящей в безотчетное «внутреннее счастье», — в душе юноши произошел перелом. В автобиографии он писал: «Уже с I курса университета я перестал быть безбожником и, не преувеличивая, скажу: Бог поселился во мне. С того времени и до этого, каковы бы ни были мои отношения к церкви (изменившиеся совершенно с 1896–1897 гг.), что бы я ни делал, что бы ни говорил или писал, прямо или *в особенности косвенно* я говорил и думал, собственно, только о Боге: так что он занял всего меня, без какого-либо остатка, в то же время как-то оставив мысль свободною и энергичною в отношении других тем»³.

В начале 1881 года Розанов обвенчался с Аполлинаруей Сусловой⁴, эмансипированной женщиной, известной в писательской

- 1 Троицкий Матвей Михайлович (1835–1899) — психолог, профессор Московского университета, философ-позитивист, организатор журнала «Вопросы Философии и Психологии».
- 2 *Розанов В. Вековая бездейственность русской профессуры // Новое Время. 1911. 27 августа* (см. в кн.: *Розанов В.В. Собр. соч. Террор против русского национализма. М., 2005. С. 209*).
- 3 РГАЛИ (Российский государственный архив литературы и искусства), ф. 419, оп. 1, ед. хр. 21, л. 3–4. Опубликовано частично: *Чешин-Ветринский В. «Свой Бог» Розанова* (Страница из его автобиографии) // Утренники (Под ред. Д.А. Лутохина). Пб., 1922. Кн. 1. С. 78–79.
- 4 Сулова Аполлинурия Прокофьевна (1839–1918) — первая жена Розанова.

среде (Ф.М. Достоевский в начале 60-х годов путешествовал с ней по Западной Европе). Полина, будучи на 17 лет старше мужа, создала ему в Брянске, где он преподавал в прогимназии после университета, жизнь «мучительную, невыносимую».

За четыре года жизни в Брянске Розанов написал книгу «О понимании. Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания», в основе которой лежит идея «живого роста» (наподобие вырастающего из зерна дерева). Она писалась на едином дыхании, без поправок. «Обыкновенно это бывало так, — вспоминал он через 30 лет. — Утром, в «ясность», глотнув чаю, я открывал толстую рукопись, где кончил вчера. Вид ее и что «вот сколько уже сделано» — приводил меня в радость. Эту радость я и «поддевал на иголку» писательства»¹. Эту работу Розанов считал определяющей для всего своего мирозерцания как выражение «предназначения» и «цели жизни». В письме к К.Н. Леонтьеву он писал, что книга «О понимании» «вся вылилась из меня, когда, не предвидя возможности (досуга) сполна выразить свой взгляд, я применил его к одной части — умственной деятельности человека»².

Книга Розанова направлена против позитивизма большинства тогдашних профессоров философии Московского университета. Автор видел и серьезные недостатки своего труда, о которых позднее говорил: «Мне надо было вышибить из рук, из речи, из «умозаключений» своих противников те аргументы, которыми они фехтовали. Отсюда — элементарность, плоскость суждений, доказательств. «Надо было полемизировать не с Парменидом³, а с Михайловским⁴». Конечно — это слабая сторона книги»⁵.

Ныне рецептивная эстетика утверждает, что важно не литературное произведение само по себе, а его восприятие читателем, и это не вызывает протеста. Когда же молодой Розанов выдвинул категорию «понимание», связующую человека с наукой как системой знаний, то «все смеялись» над таким трюизмом.

1 *Розанов В.В.* Литературные изгнанники. СПб., 1913. Т. 1. С. 200.

2 *Розанов В.В.* Мысли о литературе. С. 503–504.

3 Парменид из Элей (VI в. до н. э.) — древнегреческий философ.

4 Михайловский Николай Константинович (1842–1904) — народник, публицист, критик.

5 *Розанов В.В.* Литературные изгнанники С. 140.

Науковедческий аспект книги не заинтересовал современников. В рецензии на нее, опубликованной в одном из крупнейших журналов, ядовито сказано, что «автор понимает под «пониманием» совсем не то, что принято разуметь под этим словом: для него это не психологический процесс, а какая-то новая всеобъемлющая наука, призванная восполнить собою недостатки и пробелы существующих знаний. Для нас этот «полный орган разума», выдуманный г. Розановым, остается неразрешимой загадкой. Понимание, как нечто независимое от науки и философии, стоящее вне и выше их, более несомненное и обширное, чем они, — это просто логический абсурд»¹.

И лишь в сочувственно написанной рецензии Н.Н. Страхова² на книгу Розанова признавалась «законность задачи, которой она посвящена»³.

Провал первой книги (часть ее тиража была возвращена автору, а другая часть продана на Сухаревке на обертку для «серии современных романов») изменил всю судьбу Розанова. Много лет спустя он писал: «Встреть книга какой-нибудь привет — я бы на всю жизнь остался «философом». Но книга ничего не вызвала (она, однако, написана легко). Тогда я перешел к критике, публицистике: но все это было «не то». То есть это не настоящее мое»⁴.

Вслед за книгой «О понимании» Розанов собирался писать такую же по величине работу под названием «О потенциальности и роли ее в мире физическом и человеческом». Потенция, считал он, это незримая, неосуществленная форма околоримой, реальной. Мир — лишь частица «потенциального мира», который и есть настоящий предмет философии и науки. «Изучение переходов из потенциального мира в реальный, законов этого перехода и условий этого перехода, вообще всего, что в стадии перехода проявляется, наполняло мою мысль и воображение»⁵. Замыслу,

1 <Слонимский Л.З. «Понимание» В.В. Розанова> // Вестник Европы. 1886. № 10. С. 851.

2 Страхов Николай Николаевич (1828–1896) — философ, публицист, критик, друг Розанова.

3 ЖМНП (Журнал Министерства Народного Просвещения). 1889. № 9. Отд. II. С. 131.

4 РГАЛИ, ф. 419, оп. 1, ед. хр. 21, л. 4.

5 Розанов В.В. Литературные изгнанники. С. 116.

однако, не суждено было осуществиться — он остался «в потенции».

После «О понимании» — книги в 738 страниц — трудно было писать кратко. Все написанное получалось торжественно, философично и пространно. Пришлось «перестраивать мозги», учиться писать (как советовал Страхов) сначала журнальную статью на три книжки журнала, хотя «музыку» мог продолжать сколько угодно. Писатель радовался, если удавалось написать статью только на одну книжку. Наконец он переходит в газету писать статьи в 700 строк. И так, сокращаясь «в форме», Розанов дошел до своих знаменитых «мимолетных» записей в «Уединенном» и в других зрелых произведениях.

Литературным наставником, «дядькой» молодого Розанова стал Н.Н. Страхов, которого он назвал как-то «тихим писателем», ибо он не шумел, не кричал, не агитировал, не обличал, а сидел тихо и тихо писал книги». Переписка между ними началась в январе 1888 года, когда Розанов размышлял над книгой «О потенциальности», а весной следующего года состоялась их первая встреча.

Идеи почвенника Н.Н. Страхова были во многом близки Розанову. Но он никогда не «поддельвался» к нему, оставаясь самим собой и когда переписывался со Страховым, и когда в течение двух десятилетий писал статьи в «Новом Времени», в том числе посвященные острым социальным проблемам.

Уже в ранних своих статьях, приобретших известность благодаря формуле «От какого наследства мы отказываемся?», Розанов, говоря о Белинском и Добролюбове как провозвестниках грядущей революции, вопрошал, каков будет тот «социализм», что установится в России после революции. Уже тогда он был для него неприемлем.

Розанов нарисовал мрачную картину того социализма, который установится в стране, когда пришедшие к власти «наши развиватели», одушевленные великими идеями и мечтами, забудут о народе, о крестьянстве и станут «рубить топором иконы, истреблять «лишних паразитов»... т. е. всех богатых, знатных и старых, а мы, молодежь, будем работать на полях бархатную, кем-то удобренную землю и растить из нее золотые яблоки, которые будут

нам родиться «не как при старом строе»... И — песни по всей земле»¹.

Будущий социализм волновал Розанова как реальная перспектива будущего России. В «Опавших листьях» он рассматривал его как исторический этап в развитии страны, тяжелый, но неизбежный: «Социализм пройдет как дисгармония. Всякая дисгармония пройдет. А социализм — буря, дождь, ветер... Взойдет солнышко и осушит все. И будут говорить, как о высохшей росе: — Неужели он (соц.) был? И барабанил в окна град: братство, равенство, свобода?»

— О, да! И еще скольких этот град побил!!

— Удивительно. Странное явление. Не верится. Где бы об истории его прочитать?».

Переехав после разрыва с А.П. Сусловой в Елец, Розанов с осени 1887 года стал преподавать в местной гимназии и вместе с учителем греческого языка П.Д. Первовым² взялся за перевод «Метафизики» Аристотеля. Печальна судьба этого перевода, первые пять книг которого печатались в «Журнале Министерства Народного Просвещения» в течение 1890–1895 годов. Четверть века спустя Розанов вспоминал: «Вдруг два учителя в Ельце переводят первые пять книг «Метафизики». По-естественному следовало бы ожидать, что министр просвещения пишет собственноручное и ободряющее письмо переводчикам, говоря — «продолжайте! не уставайте!». Профессора философии из Казани, из Москвы, из Одессы и Киева запрашивают: «Как? что? далеко ли перевели?» Глазунов³ и Карбасников⁴ присылают агентов в Елец, которые стараются перекупить друг у друга право 1-го издания... Вот как было бы в Испании при Аверроэсе⁵. Но не то в России при Троицком, Георгиевском⁵ и Делянове⁶. «Это вообще

1 Розанов В.В. Литературные изгнанники. С. 235.

2 Первов Павел Дмитриевич (1860–1929) — учитель елецкой гимназии, переводчик с греческого.

3 Глазунов Илья Иванович (1856–1913) — глава книгоиздательской и книготорговой фирмы в Петербурге с 1890 г.

4 Карбасников Николай Павлович (1852–1921) — основатель издательства в Петербурге в 1871 г.

5 Аверроэс (Ибн Рушд, 1126–1198) — арабский философ.

6 Георгиевский Александр Иванович (1830–1911) — профессор Московского университета, вице-министр, один из главных деятелей по введению среднего образования в России.

5 Делянов Иван Давидович (1818–1897) — министр народного просвещения с 1882 г.